

Сизт непринуждённо подбросил маленькие деревянные таблички в воздух, где они зависли аккуратным рядом, а вырезанные на них символы засияли ярким светом.

Все малыши-феечки любили блестящие, сверкающие вещи.

Шу Ли не был исключением.

Одна из табличек поплыла к нему, и он с любопытством потянулся, чтобы схватить её. Но прежде чем его пальчики успели коснуться дерева, табличка словно живая отпрянула назад, заставив его схватить лишь пустой воздух.

— Э-э? — Шу Ли неловко отдёргнул руку.

Неужели его отвергла какая-то деревяшка?

Красненький, сидевший слева от него, нахмурился от такого неуважения таблички к его «старшему брату». Он решительно метнулся к ней.

Похоже, испугавшись такой напористости Красненького, табличка замерла на месте. Красненький с лёгкостью сцапал её, гордо задрал подбородок, всем видом демонстрируя абсолютный триумф.

Шу Ли поднял большой палец вверх:

— Могуч!

Красненький расплылся в улыбке, протягивая табличку Шу Ли.

— Оставь себе. Что поймал, то твоё, — качнул головой Шу Ли.

— Э-я-а! — Красненький недовольно надул губы.

«Ты разве не хотел её? Я даже достал её для тебя. Почему ты отказываешься?»

Он упрямо попытался всунуть табличку Шу Ли в руки, но не успел он её выпустить, как табличка превратилась в цепочку, которая сама собой застегнулась у него на шее.

Красненький и Шу Ли ошеломлённо замерли.

Сизт и Аиша обменялись забавными взглядами.

Красненький недоуменно потрогал цепочку на шее. Маленькая деревянная табличка уменьшилась, превратившись в изящный кулон, а её светящиеся символы погасли.

— Децио, твоё имя, — с улыбкой сказал Сизт, указывая на Красненького. — Запомни, с сегодняшнего дня ты Децио. Давай, повтори за мной: Де-ци-о.

Сизт повторил имя дважды. Красненький наклонил головку и повторил:

— Де-ци-о.

— Отлично! У тебя идеальное произношение, — похвалил Сизэт. Он указал на себя и на остальных, представляя их по очереди: — Я Сизэт. Она Аиша... а он Спериэн.

Когда взрослый фей указал на него, Шу Ли тут же выпрямился.

Послушав, как они повторяют эти имена, он наконец понял, что означают эти слова:

Имена фей.

Каждая цепочка символов на деревянной табличке обозначала имя. Схватив табличку, малыш мог обрести своё собственное имя.

Красненький, будучи урождённым ребенком феем, обладал врождённым языковым талантом. Он запомнил имя, услышав его всего лишь раз от взрослых фей.

Шу Ли смотрел на Красненького с жуткой завистью.

Чуть ранее он пытался тихонько повторить это имя, но язык упрямо его не слушался и отказывался сворачиваться как надо. Его произношение было бесконечно далеко от того, как выговаривал Красненький.

Если он не может правильно произнести даже самые простые имена, как он вообще выучит более сложный эльфийский язык?

Шу Ли начал тревожиться.

Беленький видел, что Красненький, схватив деревянную табличку, не только получил красивое ожерелье, но и обрёл имя. В нём тут же проснулся дух соперничества: он расправил крылышки и метнулся к деревянной табличке, парящей над его головой.

Он был быстр, но табличка оказалась быстрее: она в мгновение ока увернулась и рванула вверх.

Беленький промахнулся. Его янтарные глазки блеснули, и он развернулся, чтобы броситься на другую табличку.

Эта табличка была ближе всех к нему, и, застигнутая врасплох, оказалась сцапана лапками Беленького.

Беленький издал победное «Ура!» и легко приземлился на носочки перед Сизэтом, подняв табличку, чтобы показать её.

Сизэт наклонился, мягко взъерошил шелковистые серебряные волосы Беленького и тепло сказал:

— Анжель, твоё имя.

Пока он говорил, табличка превратилась в ожерелье и улеглась на шее Беленького.

Глазки Беленького зажмурились в улыбке, пока он сжимал кулон, тщательно выговаривая

каждый слог:

— Ан-жель... твоё... имя.

— Неправильно. Не «твоё», а «моё», — терпеливо поправил Сиэт. — Когда ты представляешься, нужно говорить... «Меня зовут Анжель».

Беленький, поняв лишь смутно, запнулся на произношении.

Спустя четыре повторения он наконец смог чётко выговорить своё имя.

— Анжель! Анжель! Меня зовут Анжель! — Беленький заплясал от радости, громко объявляя своё имя всем феям.

Красненький, не желая уступать, постучал себя по крошечной груди:

— Я! Децио! Децио-о!

Шу Ли смотрел на Красненького и Беленького, удивляясь их детским голоскам. Он был глубоко поражён.

«Они оба — гении языков!»

«Они выучили свои имена за такое короткое время!»

А тем временем сам он всё ещё молча мучился с произношением.

Остальные дети уже давно с жадностью посматривали на деревянные таблички с именами. Когда Беленький объявил своё имя, они гурьбой бросились к табличкам, отчаянно пытаясь схватить хотя бы одну, пока те не закончились.

Крылья бешено затрепетали, создавая хаос на столе из лиан.

Сиэт и Айша не вмешивались, позволяя малышам играть в догонялки с табличками.

Таблички были наделены высшей магией: они давали поймать себя только тому детёнышу фее, которому подходило имя.

Не зная об этом, малыши хватали любые понравившиеся таблички, часто вдвоём или втрём дрались за одну и ту же, устроив настоящую кучу-малу.

Когда несколько детей начинали драку, Айша и Сиэт тут же вмешивались, чтобы предотвратить травмы.

Шу Ли вяло сидел на маленькой табуретке, подперев щёку ручкой.

«Им веселье хоть досталось, а у меня нет ничего».

Таблички даже не давали ему прикоснуться к себе. Стоило ему протянуть руку, как они уворачивались, словно оснащённые радаром.

Он даже не знал, когда успел получить своё имя.

«Неужели в тот день, когда я проснулся в своём бутоне?»

Шу Ли поднял руку и коснулся своего лба.

В тот день красивый златовласый эльф с певучим голосом нежно коснулся его лба, и в его голове появилась цепочка странных символов.

С тех пор он часто слышал это же слово от красноволосой эльфийки, серебровласой феи и каштановолосого фея.

Это слово, должно быть, и было его именем.

Объяснение каштановолосого фея Красненькому лишь подтвердило его догадку.

«Спи... джит... хм?»

«Нет! Нет!»

«Должно быть... Сбеджит?»

«Опять не то!»

Шу Ли про себя снова и снова повторял имя, никак не способный выговорить его правильно. Он привычно почесал голову, задев пальцами маленький цветочный венчик, уместившийся в его волосах.

Этот маленький цветочный венчик тоже был подарком Златовласого эльфа.

Сделанный из неизвестного материала, он был инкрустирован рядом изумрудно-зелёных драгоценных камней. Каждый камень был кристально чистым, с тёплым, лучистым отблеском, что делало венчик невероятно красивым.

Каждую ночь перед сном Шу Ли снимал венчик и откладывал его в сторону. Однако, проснувшись, он неизменно обнаруживал его у себя на голове.

По сути, венчик, казалось, обладал собственным разумом. Как бы далеко Шу Ли его ни зашвыривал, на следующий день тот молча возвращался обратно.

Спустя какое-то время ему стало просто лень его снимать.

К тому же сейчас он был всего лишь малышом — немного зелени на голове никому не повредит.

Шу Ли был оптимистом. Стоило ему разобраться с беспокоящим вопросом, как он тут же переставал заикливаться на нём.

На данный момент его единственной настоящей заботой оставалось то, как освоить новый язык, когда он не знает абсолютно ничего.

Он отличался от других малышей-фей.

Если остальные малыши были чистыми холстами, готовыми к написанию картины, то он уже представлял собой законченное полотно. Добавление новых элементов казалось чужеродным, вызывая даже некое отторжение.

Китайский язык был его родным языком, глубоко укоренившимся с самого детства. Изучение другого языка теперь представляло невероятную сложность.

Шу Ли всегда считал, что вместимость его мозга ограничена. Впитав один язык, он больше не мог вместить другой без конфликта, который навредил бы обоим.

Чтобы сохранить первенство китайского языка, его мозг инстинктивно отвергал новые языки.

В результате его английский был полнейшим тихим ужасом.

Шу Ли без труда состряпал для себя идеальное оправдание.

Впрочем, в его родном мире родители и братья оберегали его от любых невзгод. Теперь же, оказавшись в другом мире, он остался совершенно один и был вынужден рассчитывать только на себя.

Изучение нового языка стало крайней необходимостью.

Но его мозг и рот упрямо отказывались сотрудничать, как бы сильно он ни старался.

Шу Ли с досады свернулся калачиком — разительный контраст с остальными оживлёнными детьми.

Заметив его необычное поведение, обеспокоенная Аиша подошла к нему:

— Спериэн, что случилось?

Услышав своё имя, Шу Ли мгновенно просиял глазами.

«Так всё-таки Спериэн, а не Спи-что-то-там или Сбеджит!»

Чтобы не вызывать подозрений Аиши, Шу Ли указал пальчиком на царящий в воздухе хаос, а затем выпрямился, словно послушный ребёнок, показывая, что просто ждёт, пока остальные поймут деревянные таблички.

Убедившись, что всё в порядке, Аиша перевела внимание на остальных малышей.

Первый малыш, схвативший деревянную табличку, бросился к Сизэту, прося прочитать имя вслух.

Сизэт терпеливо обучал его, неустанно повторяя имя снова и снова, пока малыш наконец не выучил его.

По мере того как всё больше детей ловили деревянные таблички, Сизэт быстро оказался в окружении. Аиша поспешила к нему на помощь, чтобы справиться с толпой.

Вскоре малыши с деревянными табличками выстроились в длинные очереди перед Сизтом и Аишей.

Только Шу Ли, Красненький и Беленький — трое Маленьких Фей, уже получивших свои имена, — тихо сидели на маленьких табуретках и ждали.

Шу Ли наострил свои крошечные заострённые ушки, изо всех сил сосредоточившись, чтобы запомнить имена других детей-фей.

Все они были из одного выводка, практически братьями и сёстрами, родившимися вместе. Ему нужно было знать их имена, иначе насколько неловко будет перепутать их позже?

Запомнив четыре имени подряд, Шу Ли скривился в мученической мине.

«Простите, я правда старался изо всех сил!»

Несмотря на все старания, его мысли уплыли прочь. Он и сам не заметил, как потерял концентрацию, а потом... а потом ничего.

Шу Ли с досады надул щёки.

«Ладно, я признаю, что я безнадёжный бездарь в языках. В этом нет ничего постыдного».

По крайней мере, он помнил своё собственное имя, а также имена Красненького и Беленького.

Постойте, а как там звали Красненького?

Шу Ли похлопал Красненького по плечу и открыл рот:

— Ты Ди... Ди...

— Децио! — гордо крикнул Красненький. Теперь, когда у него было имя, он хотел, чтобы о нём узнал весь мир.

Шу Ли кивнул и похлопал по плечу Беленького.

На этот раз Беленького даже не пришлось подталкивать. Он с охотой объявил:

— Я Анжель! Анжель!

На этот раз Шу Ли намертво заучил их имена.

— А я Сперит, — сказал он, указывая пальцем на свой нос.

Децио нахмурился и поправил его:

— Спериэн.

Лицо Шу Ли густо залилось краской.

«Как выпускник старшей школы может справляться с этим хуже младенца?!»

Опустив заострённые ушки и сложив крылышки, Шу Ли молча отвернулся, свернувшись в

крошечный грибочек добровольной изоляции.

Всю первую половину дня Аиша и Сизт усердно учили детёнышей фей их именам, прерываясь только на то, чтобы покормить их цветочным нектаром и росой. Малыши проявляли удивительный энтузиазм и упорство, выучив не только свои имена, но и имена своих товарищей.

После обеда Аиша потрясла колокольчик в руке, поторопив их:

— Крошки, пора на дневной сон.

Только при достаточном количестве сна малыши могут расти сильными и здоровыми.

Звон колокольчика к еде и ко сну отличался. Услышав короткий, резкий звон, малыши поняли, что пора спать.

Уже сонные, они по очереди раззевались и разлетелись по своим бутонам.

Сизт, держа в руках арфу, заиграл успокаивающую колыбельную.

Внезапно кто-то потянул его за подол мантии. Удивлённо опустив взгляд, он встретился с парой больших глаз нежно-зелёного цвета.

Это был Спериэн.

«Разве он не собирается вернуться в свой бутон спать?»

Малыш выглядел взволнованным, словно ему что-то срочно требовалось.

— Сит, ты обещал помочь мне сделать шёлковые нити! — Шу Ли задрал личико, серьёзно спросив его.

Сизт перестал перебирать струны, пошевелил заострёнными ушками и засомневался, не подводит ли его слух.

— Сит?

«Он так меня называет?»

— Я Сизт, а не Сит, — мягко поправил он, тепло улыбнувшись, чтобы, исправляя неточное произношение малыша, не показаться грубым.